

Серова Мария Егоровна

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Московский государственный
технический университет им. Н.Э. Баумана»

г. Москва

ДИСКУССИЯ И ТЕКСТ В ИСТОРИИ НАУКИ

Аннотация: *в работе дается обзор трансформации форм научной коммуникации в контексте изменений эпистемологического статуса научной дискуссии. Делается вывод о том, что научная дискуссия продолжает сохранять позиции основного средства развития научного знания, но пути ее реализации претерпевают серьезную трансформацию.*

Ключевые слова: *научная дискуссия, научная коммуникация, эпистемологический статус, развитие знания.*

Оценивая роль научной дискуссии в развитии научного знания, часто отмечают, что именно эта форма может быть наделена статусом универсальной. «Исследование научной дискуссии как познавательного приема включает в себя ряд аспектов: потребности практики в определенной предметной области, потребности конкретной научной теории, философские принципы, выполняющие свою методологическую функцию» [1, с. 213]. Наиболее распространенной в современной науке является письменная форма коммуникация. Этот тип коммуникации имеет глубокие корни и восходит к античности. История знает множество примеров дискуссионной по своему характеру переписки, например: Птолемей писал Сиру, или Архимед писал – Досифею, в Средние века – Петр Перегрин направлял свои корреспонденции Сигеру Фонкокуртскому. Они излагали свои взгляды в качестве, так называемого «письма другу» это был именно стиль научного письма, т.к. в реальности этот друг вообще мог не существовать. Так форма письма респонденту (то, что названо «письма другу» отошли в область частной переписки, хотя это не значит, что это умаляет научное значение писем, Декарта,

Лейбница, Мора, Канта, Гюйгенса, Эйнштейна и пр.) почти прекратила свое существование с появлением книгопечатания позволившего тиражировать текст, не связывая его с конкретным адресатом. Но даже хотя «письма другу» сократились, в XVII–XVIII веке доминировала книга, отражавшая в целостности достигнутые результаты, форма статьи, часто провоцировала недоразумения. Поэтому такие уже признанные авторы, как Ньютон, избегали публиковать статьи до выхода книги. В последствии же ситуация резко изменилась – статьи стали ведущим информационным типом, а книги – вторым [3, с. 95]. К XIX столетию статья выкристаллизовалась как информационная единица и стала атомом научно-профессиональной коммуникации; к концу этого столетия ее быстрая эволюция проявляется в разработке научного аппарата сносок и ссылок, которым редко пользовались раньше. В середине XX века реферирование статей вытеснило, сам характер статей, как статьи вытеснили в свое время книги, а книги – вытеснили форму письма, как формы научных сообщений. «Во времена Галилея люди с раздражением относились к тому факту, что им приходится читать не только классиков, но и работы еще живущих людей. Во времена Ньютона подобное же неудовольствие вызывало то обстоятельство, что ученым не дают возможности подождать выхода в свет книг, а вынуждают их иметь дело с частичными научными результатами, публикуемыми в статьях...» [3, с. 99]. Причем во всех этих изменениях форм коммуникации ведущую роль играло естествознание, демонстрируя ускоренный рост и массивное накопление информации, вызывают к жизни новые коммуникационные системы.

Интересным становится также и тот факт, что материалом, для статей служат на 80% неформальные встречи ученых, а не плод кабинетной или только лишь лабораторной работы. Поэтому известный социолог науки Дж. де Прайс отмечает, что «80% ценности и функционального назначения статьи лежат вне области коммуникации...научную статью пишут не потому, что кто-то нуждается в ее чтении...парадокс интеллектуальной собственности состоит в том, что она лучше всего обеспечивается самой открытой публикацией. Потребность пуб-

ликовать ради создания архива познанных вещей с наклеенными на них ярлыками, на которых указаны авторы открытий, лежит в основе всей мотивации ученого» [3, с. 96–97].

Заслуживающим внимание оказывается тот факт, что сегодня, в ситуации когда «опубликуйся или погибни» стало одним из главных лозунгов, определяющих поведение исследователя, резко изменяется характер публикаций и отношение к ним в кругу самого научного сообщества: «...отчеты могут превратиться в литературу, вообще не предназначенную для чтения» [3, с. 100].

Проблема, очерченная выше, становится год от года все более актуальной. Очевидно, что отношение ко всему корпусу невостробованных текстов меняется. Научная дискуссия сохраняет свой эпистемологический статус, но формы ее реализации претерпевают ряд изменений, связанных с выработкой новых инструментов отбора «допустимого оппонента» [2, с. 163].

Таким образом, можно сказать, что в истории типы письменной и устной дискуссии как формы научной коммуникации и развития научного знания претерпели изменения, в зависимости от изменения внутренней структуры знания и интеллектуального характера эпохи. Такая включенность научной дискуссии с одной стороны в общий культурный контекст, а с другой – подчиненность нормированности, свойственной науке конкретной эпохи, делает научную дискуссию удачной моделью для рассмотрения истории науки в ее живом развитии.

Список литературы

1. Вознякевич Е.Е. Проблема научной дискуссии в условиях концептуального плюрализма // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. – 2008. – Т. 7. – №1. – С. 212–218.
2. Вознякевич Е.Е. Проблема оценки эпистемологического статуса познавательных практик // Новая наука: От идеи к результату. – 2016. – №9–2. – С. 162–164.
3. Прайс Д.Дж. де. Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее и будущее // Коммуникация в современной науке. Серия: логика и методология науки. – М., 1976. – С. 95–108.